

Соколова З. П.

ВЗГЛЯД, УСТРЕМЛЕННЫЙ В СОВРЕМЕННОСТЬ: ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАСИЛОВ И ЕГО ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ

Статья посвящена анализу научного наследия В. Н. Басилова – яркого представителя отечественной этнографической науки. Автором статьи выделена основная проблема научного творчества В. Н. Басилова – исследование шаманства как исторического, культурного, этнографического феномена, универсального по своему генезису и разнообразного в своих конкретно-исторических и этнокультурных проявлениях. Охарактеризована научная деятельность исследователя с акцентуацией внимания на том, каким образом в трудах В. Н. Басилова проявились сильные стороны отечественной этнографической науки – глубокое знание фактического материала, постоянная работа в поле и, соответственно, высокая информационность собственных полевых этнографических сборов, явившихся основой для теоретического анализа и концептуальных обобщений.

Ключевые слова: история этнографической науки, традиционная культура, ранние формы религии, шаманство.

В связи с прошедшим юбилеем Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва) мне вспоминаются наши корифеи – выдающиеся ученые 1950–1990-х гг., с которыми мне посчастливилось работать: С. П. Толстов, Г. Ф. Дебец, Б. О. Долгих, М. Г. Левин, С. А. Токарев, Ю. П. Аверкиева и др. Это были ученые старшего поколения, служившие нам образцом отношения к этнографии – любви, верности ей, эрудиции (благодаря хорошему знанию литературы и опыта предшественников), серьезности исследований, прежде всего на основе собственных полевых работ, доброжелательности в отношениях с коллегами, в том числе и младшими, простоты в общении. К началу 1970-х гг. среди их учеников уже выделялись отдельные молодые ученые – В. П. Алексеев, Ю. Б. Симченко, талантливые, отличавшиеся эрудицией и доброжелательностью. Среди них был и Владимир Николаевич Басилов.

Володю Басилова я вспоминаю часто, особенно в связи с проблемами изучения ранних форм религии (иногда их называли «первобытными»). Специалистов в этой области в советское время, особенно в первой половине XX в., было не так уж много. Разумеется, С. А. Токарев, на трудах которого мы все выросли (1964).

Свою сравнительно короткую жизнь (1936–1998) Владимир Николаевич посвятил в основном изучению религии – ее ранних форм, шаманизма, ислама, больше всего на примере народов Средней Азии. Его биография и воспоминания о нем опубликованы в нескольких статьях и очерках (Бушков, 1998; Жуковская и соавт., 1999; Демидов, 1999; Соколова, 1999; Хоппал, 1999; Чвырь и соавт. 2012), его памяти посвящены три сборника статей (Избранники духов... 1999, 2012; Среднеазиатский этнографический сборник, 2001; Религиозная жизнь народов Центральной Евразии, 2012). В данном очерке я хочу остановиться на его научном творчестве.

Хотя основным направлением деятельности В. Н. Басилова было религиоведение¹, он много и плодотворно занимался другими научными темами, организационной и научно-популяризационной деятельностью. В 1971–1974 гг. работал в составе редколлегии нового ежегодника института «Итоги полевых работ Института этнографии», как и продолжавшегося издания «Полевые исследования Института этнографии», был его ответственным редактором в 1975 г., членом редколлегии в 1970-е гг. В 1987–1998 гг. руководил сектором народов Средней Азии и Казахстана, в 1971–1984 гг. был ученым секретарем Института этнографии АН СССР. Последние годы работал в составе редколлегии «Этнографического обозрения». Много сил и знаний он отдал организации выставки на тему «На шелковом пути. Кочевые народы Евразии», которая с успехом прошла в Японии (1981, 1982), Финляндии (1985), Швеции (1987) и США (1989). Для каталога, посвященного выставке, написал раздел «Шаманизм» (1982), а также посвятил выставке две статьи (1987, 1991в) и каталог выставки «Кочевые народы Евразии» (1982, 1986б). В 1971 и 1977 гг. совершил путешествие на корабле «Дмитрий Менделеев» в Новую Гвинею, приняв деятельное участие в подготовке обеих экспедиций (по собранным в этих поездках данным опубликовал семь статей и очерков). Более трех десятков статей напечатал в различных научно-популярных изданиях: «Вокруг света», «Наука и человечество», «Наука и религия», «Земля и вселенная», «Этнографы рассказывают» (1978), «Глазами этнографов» (1982), в различных энциклопедических изданиях (Советская энциклопедия: мифы народов мира, 1980; Северная энциклопедия, 2004; Религиозные верования: свод этнографических понятий и терминов, 1993: вып. 5, Biosfera, 1996, 1997), словарях (Атеистический сло-

¹ В 1964–1966 гг. работал в Институте научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, но большую часть своей жизни – 1959–1998 гг. – в Институте этнографии АН СССР.

варь, 1983б; Словарь по религии народов современной России, 1999, и др.), в детских изданиях. В этих статьях он писал о разных проблемах религии (шаманизм, ислам, культ святых, современная география религий), о граде Китеже, юрте, обрядах и праздниках, экспедиции в Океанию, в Папуа – Новую Гвинею, рукописях майя, образе жизни народов степей и тайги и др. Великолепным образцом серьезной научно-популярной работы является его книга «Избранники духов» (1984).

Научные исследования В. Н. Басилова помимо проблем религии также касались самых разных тем и вопросов: этнографии народов Средней Азии и кочевой культуры (около 10 статей), этнографии народов Кавказа (4 статьи), папуасов (3 статьи) и др., мифологии (серия статей), этногенеза и этнических процессов (4 статьи), проблем истории и развития жилища (3 статьи), советской этнографии и исследований сотрудников Института этнографии, судьбы этнографии, роли фотографии в этнографических исследованиях (свыше 10 статей) и др. Более 30 статей опубликованы в зарубежных изданиях. В 12 изданиях он выступил как ответственный редактор.

Изучение религии он начал в 1960 г., когда участвовал в работе экспедиционного отряда института в Алтайском крае, где на основе личных наблюдений и бесед собрал материалы о современном состоянии религиозности (православия) сельского населения, констатировал сильное ослабление религиозности, хотя и оговаривал некоторую условность своих выводов, так как исследование было кратковременным. Здесь проявилась его главная особенность как исследователя: он всегда опирался на достаточное количество фактов и аналогий, не торопился с выводами (Басилов, 1967б).

Все шесть книг и большинство статей В. Н. Басилова посвящены вопросам изучения религиозных верований и обрядов в целом и народов Средней Азии и Казахстана в частности. Поскольку большинство изучаемых им народов (туркмены, узбеки, казахи, киргизы) исповедовали ислам, он занимался его изучением и посвятил этому книгу (Басилов, 1997а, в соавт. с Дж. Х. Кармышевой), но особенно заинтересовался культом святых и домусульманскими верованиями и обрядами. Написанию его основных книг предшествовал длинный путь. Начало было положено статьями, посвященными ранним формам религии народов Средней Азии и Казахстана, формам религии, предшествующим мусульманству (домусульманским) «пережиткам», как тогда принято было говорить и писать.

В первых статьях (1963–1970-е гг.) рассматриваются проблемы развития ранних форм религии (тотемизм, культы умирающего и воскресающего божества, предков, природы, животных, колдовство, хозяйственная обрядность и др. – Басилов 1963, 1964, 1968, 1971а, б, 1983а и др.). Самая ранняя относится к 1963 г., это статья «О пережитках тотемизма у туркмен». В ней на основе собранных в 1958 и 1961 гг. материалов (Копет-Даг) рассматриваются пережитки тотемизма в верованиях западных туркмен – почитание горного барана (обращение с рогами, шкурой, ограничения в охоте, амулеты), находя аналогии этому у таджиков, прослеживается также особое отношение к тигру, рыбе, чинаре. Автор опирается на материалы предшественников (С. П. Толстов) и осторожен в выводах, касающихся тотемизма у народов данного региона. В работах 1968 и 1970 гг. ислам анализируется с точки зрения культа предков. Отмечая выводы своих предшественников о связи культа предков и культа святых, В. Н. Басилов приводит доказательную базу этим положениям на основе полевых материалов, собранных в 1964–1966 гг. (1968: 53–64). Он подробно останавливается на почитании Коркут-ата, которому в разное время посвятил ряд статей, на молитвах-обращениях к нему, а также на почитании основателей туркменских племен, овлядов и др. Отмечает, что из-за этнических преобразований имена родоначальников племен не сохранились, показывая, как с образованием новых этнических групп создавались новые родословные. В народных обычаях и обрядах (поминальных угощениях умерших родственников, жертвенных приношениях святым) тоже сохранились следы культа предков. С угасанием культа предков развивался культ святых.

Эти материалы и их анализ стали основой кандидатской диссертации В. Н. Басилова «Пережитки доисламских верований в мусульманском культе святых» (на материалах Туркмении) (1967а). Изучая историю вопроса, он отметил синкретичность мусульманства, о чем писали и до него, но проблема не была решена. Дал общую характеристику культа святых (это почитание их могил, различия в образах святых – ишанов, мучеников шехит и др., легенды о них, их помощь и покровительство) (1967а: 6–7). Анализируя пережитки почитания предков в культе святых, обратил внимание на обязательность родственных связей святых и их почитателей. Угасание традиции почитания родоначальников племени в качестве святых он объясняет сменой родоплеменных отношений соседскими (1967а: 7–9). Им были показаны пережитки шаманизма у туркмен: шаманские функции ходжей, духи джинны, арвахи, ритуал посвящения, шаманы порхан, исцеления, фокусы и трюки, все это – в рамках культа святых (1967а: 9–12). В отдельной главе «Языческие божества в роли святых» речь идет о «Хозяине дождя», Коркуте – первом шамане, певце, культурном герое, божестве предков огузов (1967а: 12–17). Также рассматриваются пережитки тотемизма, в том числе и в культе святых (1967а: 17–18). В заключении была отмечена противоречивость исла-

ма – наличие в нем политеистических традиций, подчеркнуто, что ислам в Туркмении развит в большей степени, чем в Казахстане и Киргизии. По мнению автора, черты туркменского язычества «окрашены шаманством». В. Н. Басилов делает выводы о большой роли культа святых в жизни туркмен (1967а). Впоследствии он не раз обращался к этой тематике (1968, 1969б, 1970а, 1970б, 1971в).

Многие годы В. Н. Басилов собирал материалы о среднеазиатском культе святых. Этой теме посвящен ряд статей и его первая книга «Культе святых в исламе» (1970в; на туркм. яз. – 1975). Она написана в основном на материалах народов Туркмении и Узбекистана, чаще всего публикуемых впервые, приведены бурятские параллели. В ней автор говорит о своих предшественниках, изучавших культ святых, о сложности этого изучения, о влиянии культа святых на население, об отношении к нему. Он разделяет ислам богословия и народный ислам, обращаясь к последнему (1970в: 3–8). Автор рассматривает «Языческие божества в роли мусульманских святых»: это и божества аграрных культов, унаследованные от доисламского периода, и «Хозяин дождя» – повелитель облаков, приносящих дождь, и Коркут-ата, патрон шаманов, покровитель культурного героя, и Гамарра (Камарра), покровитель музыкантов и певцов (1970в: 9–68). Таким образом, В. Н. Басилов сразу увидел в мусульманстве наличие религиозного синкретизма и много пережитков ранних верований и культов (в том числе тотемизма, анимизма, фетишизма), а в культе святых – почитание доисламских аграрных и шаманских божеств, формировавшихся «под воздействием древних политеистических традиций» (1970в: 3). Он проследил также разные стадии исламизации образов святых (от Коркут-ата до Баба-Гамбара). Книга насыщена фактическими материалами, полевыми и опубликованными. В распространенном в Средней Азии почитании святых он обнаруживает пережитки древнего культа предков, подчеркивает обязательность родственных связей между святыми и их почитателями. В прошлом это были основатели рода. Святой-родственник может помочь лучше, чем не родственник. В основе лежат представления об особой взаимосвязи между духами мертвых и божеством, с одной стороны, и родственной группой – с другой. Культ святых унаследовал некоторые функции культа предков, тесно связанного с родоплеменным строем. Особенно ярко это показано на туркменском материале (святой – родоначальник). Интересно, что туркменские кладбища расположены вокруг могилы святого (в прошлом – могилы почитаемого предка). Здесь В. Н. Басилов вступает в полемику с С. А. Токаревым, многие взгляды (на религию) которого он разделял (в данном случае речь идет о критике эволюционистского направления). В дальнейшем, разумеется, ослабляются родственные связи между людьми, переходя в территориальные, что отражается и на религиозных взглядах (появляется предпочтение ближайшей святыни) (1970в: 69–91). Еще больше его заинтересовали в культе святых пережитки шаманства (1970в: 92–118), изучению которого будет посвящена большая часть его творческой жизни. Он находит следы шаманства в культе святых: взаимоотношения мусульманских ишанов, ходжей с духами-покровителями (и помощниками), способности творить чудеса, обряды излечения больных, изгнания из них злых духов, жертвоприношения духам, суфийские радения дервишей – все это близко шаманской практике и подтверждается туркменскими и узбекскими материалами. Исследуя пережитки древнейших форм религии в культе святых (1970в: 119–137), отмечает некоторые пережитки тотемизма и других ранних форм религии, которые в разной (сравнительно небольшой) степени сохранились и в исламе. Здесь он использует материалы своих опубликованных ранее статей, о которых сказано выше. Позднее В. Н. Басилов написал интереснейшую статью о просматриваемом в почитании мусульманских и христианских святых (в частности, речь идет о святом, несущем свою отрубленную голову) культе умирающего и воскресающего божества растительности (1983б). Поражает его широкая эрудиция в области мусульманской и христианской идеологии, глубокая проработка источников. Подводя итоги своего исследования, он делает следующий вывод: в почитании святых прослеживается религиозный синкретизм – он впитал в себя пережитки местного язычества; тем не менее архаизировать культ святых нельзя, так как он постоянно развивался и в нем отразились процессы модернизации религии (1970в: 138–143).

По проблемам происхождения и сущности шаманства В. Н. Басиловым опубликованы три книги (1984, 1992а, 1995а) и множество статей (не менее 70), некоторые из них, как и книги, стали хрестоматийными (1973б, 1976б, 1983а, б, в, 1990а, 1993, 1997б, 1999, 2004, 2007). Однако их написанию также предшествовал длинный путь от работ, посвященных ранним формам религии народов Средней Азии и Казахстана, формам религии, предшествующим мусульманству (домусульманским). Остановимся на его статье о пережитках шаманства у туркмен-гекленов (1986а), которую он писал почти в то же время, что и книгу «Избранники духов» (1984). В этот период у него окончательно складывалось представление о шаманстве вообще и у народов Средней Азии и Казахстана в частности. Впервые он заявил свою основную тему, сделав доклад о среднеазиатском шаманстве для IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук (1973б). Этому предшествовали несколько небольших статей

1970–1975-х гг., касающихся отдельных вопросов в связи с шаманством, а также статья о пережитках шаманства у туркмен (1973а) и туркмен-човдуров (1975б). Статья 1986 г. насыщена новыми фактически полевыми материалами, собранными им в 1968 г., что в целом характеризует его методику исследования – опора на большой массив подобных материалов. Эти материалы он анализировал в сравнении с другими опубликованными данными. Шаманство он считает реликтом домусульманских культов Средней Азии, оставшимся от древних местных воззрений и обрядов (Басилов 1986в: 94). Признает, что воспоминания стариков, которые он использовал, имеют несколько односторонний, однобокий характер, так как сам камланий не наблюдал. Но в подтверждение своих выводов приводит очень много аналогий, характеризующих шаманство как культ: гадания, духи-помощники шамана порхан, шаманское обучение, роль святых в посвящении шамана, его функции, камлания, разнообразные способы лечения, способности шаманов к фокусам, трюкам, гипнозу, ясновидению. В. Н. Басилов перепроверяет полученные им данные у разных информаторов, обнаруживая некоторые несовпадения, делает заключение о том, что способы проведения камлания несколько различались у разных шаманов. Шаманы не имели специального костюма, но их одежда тем не менее была иной, не будничной. Он делает вывод о том, что все «чуждое» туркменского шамана сходно с такими же, например, у народов Сибири (1986в: 99). Подчеркивает, что, хотя мусульманское духовенство не любило шаманов, тем не менее «в народном быту шаманство не противопоставлялось исламу» (1986в: 107), шаманство имело тесные связи с исламом (духи шаманов, как правило, – мусульманские святые, традиции шаманства и суфизма тесно переплелись). В среднеазиатском шаманстве ясно проступает переплетение тюркской и иранской религиозных традиций: в тюркской – наличие струнного инструмента («скифской арфе» – прообразу кобыза – он впоследствии посвятил три весьма эрудированные и аргументированные статьи – 1990б, 1991б, 1992в), использование раскаленных предметов, сабли или ножа, представления о чудесном коне, в иранской – название духов-помощников пери (порхан – шаман). Таким образом, шаманство «сложилось из разнородных культурных и стадийальных явлений» (Басилов, 1986: 109).

Книга «Избранники духов» написана в научно-популярной форме (без ссылок на литературу) и основана в основном на сибирских материалах по шаманству (в 1990-х гг. переведена на английский язык). Написание любой научно-популярной работы сложнее и труднее, чем научной монографии: автор должен очень хорошо и четко представлять себе материал и выводы, излагать их легким, доступным простому читателю языком. В монографиях авторы часто идут от материала и лишь на основе его изложения делают выводы. В научно-популярной работе автор продумывает главные проблемы и различные (особенно спорные, неясные) вопросы и сначала отвечает на них, а затем излагает все это читателю. Мой собственный опыт подтверждает данный тезис, более того: написание научно-популярных работ облегчает затем написание монографий и научных статей. То, что в данной книге В. Н. Басилов в основном обратился к сибирским, а не среднеазиатским данным (эти материалы присутствуют лишь в небольшом объеме), тоже легко понять: именно по народам Сибири к тому времени уже был накоплен и опубликован комплекс материалов-источников, написаны обобщающие и теоретические работы (Природа и человек... 1976: 4–15; Проблемы истории общественного сознания... 1981 и др.).

Книга «Избранники духов» состоит из вступления и девяти разделов. Во вступлении автор констатирует степень изученности шаманства в России, Венгрии и Финляндии, отмечая обилие спорных мнений по ряду вопросов. Он оговаривает употребление традиционного для русской литературы термина «шаманство», говоря о том, что употребление термина «шаманизм» запутывает читателя и «излишне усложняет понимание сути дела» (Басилов, 1984: 7). Здесь же автор определяет основные признаки шаманства (необходимость особых духов-посредников между людьми и духами, которые их избирают; общение шаманов с духами происходит в состоянии экстаза, который достигается во время обряда камлания). Шаманство, по его мнению, ранняя и универсальная форма религии, возникшая в глубокой древности, еще до возникновения земледелия. Автор рассматривает также различные термины, касающиеся названий шаманов у разных народов. Он подчеркивает, что материалы по шаманству народов Сибири собраны главным образом в XIX – начале XX в. В XX в. шаманство потеряло свою прежнюю общественную роль, но сохранилось в виде различных верований и обрядов.

В разделе «Профессия: шаман» (1984: 12–29) автор рассказывает о функциях шаманов – лечение больных, помощь при трудных родах, предсказание будущего, поиски пропавших людей, животных и вещей, обеспечение удачной охоты и рыболовства с помощью духов, влияние на погоду, разрешение спорных вопросов, отыскание души, похищенной духами, проводы души в загробный мир. Шаману помогают его духи-помощники, способности шамана зависят от их свойств. Шаманами могли быть и мужчины, и женщины, они вели такой же образ жизни, как и остальные люди (т. е. не были профессионалами – не жили за счет своей деятельности). У шаманов были особые костюмы и атрибуты – бубен, посох, изобра-

жения духов, жертвенники и др. Шаманы были настолько могущественны и обладали такими сверхъестественными способностями, что могли превращаться в животных, птиц, могли умирать и воскресать. Все эти положения автор иллюстрирует многочисленными примерами из деятельности шаманов у якутов, нивхов, эскимосов, нганасан, алтайцев, кетов, ненцев, нанайцев, эвенков, саамов, селькупов, чукчей, бурят и других народов Сибири и Севера.

В разделе «„Служебные“ духи» (1984: 30–51) характеризуются свойства и способности духов шаманов. Они различаются как духи-покровители и духи-помощники, подчиненные первым. Избирал шамана, обучал его и руководил им дух-покровитель. Очень часто духи имели вид животных, птиц, нередко фантастических. Их изображения подвешивали к шаманскому костюму. Во время сеанса камлания шаман призывал своих духов-помощников, он подражал духам-животным, как бы превращался в них. Духов кормили, вступали с ними в интимную связь. Нередко дух, избравший шамана, состоял с ним в родстве, был его духом-предком. Наиболее древним образом духа-покровителя он считает якутскую мать-зверя (лось или олень). Автор подчеркивает, что шаманские видения и особенности обрядов формировались в рамках традиций. Шаманские представления менялись, постепенно вместо духов покровителями шаманов стали божества.

Раздел «Избранники. Дороги шамана» (1984: 52–75) посвящен обрядам становления шамана, его избрания духами, так называемой шаманской болезни, «пересотворения» шамана, когда душу шамана обучали похитившие ее духи. Многочисленные примеры из этнографии сибирских народов показывают сущность этих процессов (мучительные видения, смерть и воскресение шамана). Шаман имел представление о вселенной, трех мирах (вертикальное или горизонтальное строение вселенной – спорный вопрос), мировом дереве, соединявшем эти миры, путешествовал в разные миры – в верхний, небесный, и нижний, подземный. В его камлании отражались эти представления, поэтому мировоззрение шамана было мировоззрением его народа – это очень важный вывод В. Н. Басилова. В заключение автор подчеркивает религиозное значение и смысл шаманства (не просто мировоззрение, натурфилософия). В разделе «Верхом на бубне» (1984: 76–95) он рассматривает роль и значение бубна (это и музыкальный инструмент для призыва духов, и средство транспорта для путешествия в иные миры – конь, олень, лодка, ковер-самолет), а также символические рисунки на нем, связанные с космической картиной мира, подвески, колотушки, позднее замененные плетью, лук и стрелы вместо бубна. И снова все положения подкреплены многочисленными яркими примерами.

В следующем разделе – «Кафтан с хвостом, корона с рогами» (1984: 96–117) – описывается шаманский костюм у сибирских народов, и снова на базе многочисленных примеров из этнографии народов Сибири, начиная с XVIII в. и кончая современными материалами. Костюм не был единым даже у одного народа, различаясь в деталях. У одних это был полный комплект – кафтан, нагрудник, обувь, рукавицы, повязка на голову (иногда с маской), плащ, железная шапка – корона, у других он мог быть неполным и состоять из отдельных частей. Костюм изготавливался по велению духов, очень часто он символизировал птицу или зверя. Его украшала бахрома, особенно на рукавах, воссоздавая «крылья»; к удлиненному сзади подолу, кроме бахромы, прикрепляли веревку – «хвост». Корона с рогами олицетворяла голову зверя. Многочисленные разнообразные металлические подвески (у якутского шамана на костюме их могло быть до 50) также изображали зверей, птиц и олицетворяли духов-помощников шамана, их изображали также вышивками, куклами. Автор подчеркивает, что, хотя и птичьи, и звериные черты шамана достаточно древние, птичьи более поздние. В. Н. Басилов перечисляет пять вариантов символов шаманского костюма: духи-покровители и духи-помощники; кости скелета человека, животного или птицы или органы тела, например, сердце; различные духи; оружие и орудия шамана (лук, стрелы, копье, когти, зубы, рога); космические объекты (месяц, солнце). У некоторых народов (селькупы) шаман имел два костюма – для путешествия в верхний и нижний миры. На обряде «оживления» бубна «оживляли» и костюм. Шаманы различались по категориям в зависимости от своих способностей и покровительствующих им духов. Самыми сильными шаманами были так называемые медвежьи шаманы. Им покровительствовал дух-медведь. Автор высказывает предположение, что костюм шамана произошел от древнего обычая надевать на себя звериную шкуру, чтобы уподобиться зверю.

В разделе «Театр одного актера» (1984: 118–137) описываются обряды, совершаемые шаманом (камлания), и его действия. Во время камланий используются музыка, пение, в котором шаман повествует о своем путешествии в другой мир, «дороге» туда, общении с духами, опираясь на фольклор (эпос), использует гипноз, пантомиму, подражание животным, птицам своими телодвижениями, а также различные трюки и «чудеса». Он действует как настоящий актер. Иногда для камлания готовилось специальное жилище – «шаманский чум». Шаман должен был обладать не только гипнозом, но и ловкостью рук, большой силой. Зрители были активными участниками камлания, автор подчеркивает это, говоря об

обязательности «постоянного взаимодействия главного исполнителя с присутствующими» (1984: 133). В. Н. Басилов заключает, что шаман должен обладать не только актерскими данными, но ему «нужны острая наблюдательность, глубокий ум, хорошая память, богатый практический опыт» (1984: 136). Поэтому среди шаманов могли быть как «сильные», так и «слабые» и даже псевдошаманы.

О так называемой шаманской болезни он пишет в разделе «Здоров ли шаман?» (1984: 138–169). В. Н. Басилов относится критически к мнениям тех своих предшественников (Н. Н. Харузин, В. Г. Богораз, Г. В. Ксенофонтов, С. А. Токарев, Л. Я. Штернберг, С. Н. Давиденков), которые считали, что шаманы были нервнобольными людьми, их камлания – это проявления истерических припадков. Отметив, что не все согласны с таким взглядом на шамана (С. М. Широкогоров, И. Н. Косоков, И. М. Суслов, Н. Чэдвик), он уделяет данной проблеме большое внимание и разносторонне аргументирует точку зрения на то, что шаман – нормальный, здоровый человек, который выполняет свои обряды, находясь под самоконтролем и опираясь на традицию: «выздоровление предусмотрено традиционной схемой поведения шамана» (1984: 142). «Шаманская болезнь» – результат самовнушения. Сеанс камлания действительно может напоминать истерический припадок, но шаман к этому готов. Он впадает в экстаз: по Широкогорову – «состояние сознательного невладения собой», по Басилову – «заранее (более или менее осознанно) запрограммированное состояние, достигаемое шаманом при помощи самовнушения» (1984: 147), т. е. то, что сейчас называется измененным состоянием сознания, термином, который В. Н. Басилов употребил уже в книге 1992 г. Для вхождения в состояние экстаза шаманы пользовались различными приемами (уединение, диета, поедание галлюциногенов, например грибов, курение, алкоголь, музыка, пение помощника шамана, особая обстановка в помещении). При этом шаманские песни традиционны, обряд камлания традиционен, шаман во время камлания способен лечить, предсказывать будущее, находить воров и т. п., чего не мог бы делать действительно психически больной человек.

Тесная связь шамана с предками, родом показана в разделе «Шаман и род» (1984: 170–187). Признавая, что шаманство – не самая ранняя стадия религии, В. Н. Басилов высказывает сомнения в возможности сравнительно простого деления шаманских и дошаманских представлений (1984: 171). Он утверждает лишь, что шаманство – это религия родового общества. Об этом говорит ряд признаков: шаман – защитник сородичей; характер шаманства указывает на веру в единство и связь шамана и сородичей; шаманский дар наследуется только родственниками; шаманские атрибуты изготавливают родственники; есть представления о тесной связи священных предметов шамана и его сородичей, согласно мифологии, шаман сопровождает душу умершего сородича в загробный мир. Автор останавливается на вопросах связи шаманства с «медвежьим праздником» (культу медведя) и культом предков. По его мнению, и шаманство, и «медвежий праздник» сложились на основе тотемизма и являются достаточно древними, а культ предков сложился у некоторых народов на почве шаманства (Басилов 1984: 182–183). Следует добавить, что у обских угров культ предков формировался на основе почитания умерших предков, при этом умершие шаманы были особенно почитаемы (Соколова, 1990, 2002, 2009: 608–637). Родовой характер шаманства подтверждается и отсутствием платы за шаманские услуги (иногда – подарок, а не плата). Шаманы занимались промыслами, как и остальные члены сообщества, им помогали и родственники. С разложением родового строя шаманам перестали оказывать помощь и среди них было много бедняков.

В заключительном разделе «Закат шаманства» (Басилов 1984: 188–207) автор рассматривает связанные с этим вопросы: превращение шамана в профессионала, выделение его в обществе, деление на «добрых» и «злых» шаманов («белые» и «черные» шаманы), появление жрецов и «прорицателей», заменяющих шаманов («из недр шаманства выросло общинное жречество» (1984: 195)), наконец, шаманство испытало значительное влияние мировых религий – ислама, буддизма, православия (был утрачен шаманский костюм, шаманские святыни стали мусульманскими, буддистскими, шаманы стали почитать иконы, некоторых православных святых, например Николая Угодника и т. д.). Но в остаточных, пережиточных формах шаманство еще долго (на протяжении XX в.) сохранялось у разных народов, в том числе у народов Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, В. Н. Басилов был достаточно хорошо подготовлен по проблемам происхождения и сущности шаманства. Серия статей о шаманстве у разных групп туркмен (човдууров, гекленов и др.), о травестизме, женском шаманстве, «шаманской болезни», посвящении шамана, его бубне, мире духов шамана, типологии среднеазиатского шаманства и др., а также подготовка выставки «На шелковом пути» (В. Н. Басилов был ее директором и с особым вниманием курировал тему шаманства), а также написание книги «Избранники духов» подготовили почву и для диссертации, и для книги, изданной в 1992 г.

В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (историко-этнографическое исследование)»; автореферат диссертации (1991а) в 1992 г. переведен на английский язык. Сейчас опубликована стенограмма этой защиты (Избранники

духов... 2012: 364–400), на которой я (наряду с Б. А. Литвинским и С. Г. Агаджановым) тоже выступала официальным оппонентом. Во вводной части диссертации В. Н. Басилов отмечает универсальность шаманизма, дает определение шаманства, подробно останавливается на истории его изучения, формулирует задачи своего исследования, его основные положения (1991а: 3–4). Пользуется термином «шаманство», не принимая другой термин – «шаманизм», считая его не подходящим для материалов по Средней Азии и Казахстану и запутывающим читателей. Шаманство, по его мнению, это форма «религии, или культ, центральной идеей которого является вера в необходимость особых посредников между людьми и духами (божествами)». Он отмечает характерные черты шаманства: избранность духами, общение с духами в состоянии экстаза, наличие духов-помощников, сверхъестественные силы, функции – «способности обеспечивать удачный промысел, изменять погоду, предсказывать будущее, отвращать несчастья, находить пропажи, узнавать причины болезней, лечить больных и т. д.» (Басилов, 1991а: 5). Подчеркивает, что шаманство народов Средней Азии и Казахстана – единое историко-культурное явление, но оно специфично, так как обусловлено влиянием ислама (как и наоборот). В своем исследовании В. Н. Басилов опирается на широкий комплекс литературных источников, на авторов, изучавших шаманство не только в Средней Азии и Казахстане, но и в Сибири и других регионах (Басилов, 1991а: 5, 6–11). В. Н. Басилов отмечает существовавший тогда в литературе «разнобой мнений», «скороспелость некоторых гипотез», «отсутствие серьезных дискуссий» по вопросам шаманства, что побудило его заняться данной проблематикой. Кроме того, он хотел проверить свое собственное «видение шаманства на среднеазиатско-казахстанских материалах» (Избранники духов... 2012: 365). Он предлагает свой взгляд на значение теорий и гипотез в нашей науке: «Они имеют ценность лишь в тех случаях, когда они складываются на прочном фундаменте фактических данных», научную значимость своей диссертационной работы он видит «в тех конкретных сведениях, которые систематизированы и обобщены»; раскрывает методику сбора и обработки материалов, как полевых, так и литературных, пишет об определенных трудностях в этой работе. В. Н. Басилов подчеркивает, что ряд выводов сформулирован им впервые: собственное понимание травестизма (не «сексуальное избранничество»), закономерная связь с духами-помощниками, развитие идеи страдания и др.

В главе I «Общие сведения о шаманах» (1991а: 13–15) он исследует различные термины, касающиеся названий шаманов у народов Средней Азии и Казахстана (узбеков, таджиков, киргизов, уйгуров, казахов, каракалпаков, туркменов) и приходит к выводу, что они не тюркского происхождения. Уточняет основные функции шаманов: 1) узнавание причин заболеваний и способов их излечения; 2) ритуальное излечение больного; 3) предсказание будущего, гадание; 4) отыскание пропавших людей, животных, потерянных или украденных вещей. Шаманами могли быть и мужчины, и женщины, они вели такой же образ жизни, как и другие односельчане, как правило, не использовали свой дар ради заработка. Отдельно он останавливается на явлении травестизма, которое объясняется архаическими (со времен ранних кочевников) представлениями в связи с ритуальным «превращением пола» о желании женского духа (божества), чтобы шаман хотя бы внешне был похож на него.

В главе II «Основные обрядовые атрибуты» (1991а: 15–18) характеризует эти атрибуты шаманов – бубен, кобыз, плеть, посох, нож, саблю, веточки, прутья, зеркало для гадания, чашу с водой, четки, религиозные книги, светильники. Алтарем служит кожаная скатерть. Кобыз он возводит к так называемой скифской арфе, смычковому инструменту и ставит вопрос, откуда он мог появиться в качестве замены повсеместно распространенного бубна (Басилов, 1991а: 16). В своем выступлении на защите я обратила внимание диссертанта на то, что у восточных хантов очень часто вместо бубна шаман использовал струнный инструмент типа цитры, скорее всего, аборигенного, уральского населения (Избранники духов... 2012: 392). Путь, используемый шаманом во время обряда, он связывает с мировым деревом (Басилов, 1991а). Это же относится и к уйгурскому «тугу» (шест с веревкой). В. Н. Басилов отмечает отсутствие у шаманов специального костюма.

Глава III (1991а: 18–22) посвящена «шаманской болезни». На обширных материалах он отвергает «культ сумасшедствия» шамана и убедительно показывает, что так называемая ненормальность шамана – знак избрания духами, во время которого происходит похищение души шамана духами и ее «пересотворение», напоминающее возрастные инициации, подчеркивая социальное значение шаманства как явления культуры, то, что ритуальное поведение шамана (в том числе «шаманская болезнь») определено культурными традициями, а не патологией (Басилов, 1991а: 18–22; Избранники духов... 2012: 366).

В главе IV (1991а: 22–27) показана шаманская обрядность (камлания). Диссертант обращает внимание на отработанность сюжетов камланий и на то, что под влиянием ислама появились изменения: не шаман отправляется в иные миры, а его духи-помощники. В. Н. Басилов выделяет два типа среднеазиатского шаманства – тюркский, скотоводческий, и таджикский, земледельческий, останавливается на их

особенностях. В первом представлены шаманы-мужчины, использование музыкального инструмента, камлание в темноте, жертва – животное, употребление в обряде легких этого животного, а также трюков и др. Во втором типе – шаман-женщина, игра на бубне, камлание днем, ритуальное угощение – мука и блюда из нее, среди жертвенных приношений – курица; трюки не были характерны, кровью жертвенного животного окропляли больного, считалось, что шаман имеет сексуальное общение с духом противоположного пола и т. д. (1991а: 24–27).

В главе V «Личность шамана. Экстаз» (1991а: 27–31) говорится о незаурядных способностях шамана, его трюках, изменении его психического состояния во время камлания, погружении в видения при полном самоконтроле. Погружению в экстаз (в том числе и присутствующих на сеансе камлания) способствуют музыка, запах, ритмичные слова, перебирание четок, чтение религиозных книг (1991а: 28–30).

Глава VI (1991а: 31–34) посвящена шаманским призываниям. Диссертант отмечает их связь с фольклором (эпосом), их устойчивость при допущении некоторых вольностей (не полная импровизация).

Глава VII (1991а: 34–39) – о шаманских духах. Они явно языческого происхождения, об этом говорят наличие духов-животных, царя духов, духов в виде кукол, жертвенная пища для духов, вступление с ними в любовные отношения. Среди духов есть добрые и злые – момо (мама), чильтан, пари (пэри), демоны дэв, албасты (1991а: 34–39).

Последняя, VIII глава (1991а: 40–42) характеризует шаманство в регионе как элемент бытового ислама. В ней говорится о связи шаманства с культом святых и суфизмом (суфии – ишан, шейх, пир): святые – наставники шаманов, суфийский обрядовый экстаз зикр близок шаманскому. В заключении диссертации (1991а: 42–43) диссертант отмечает, что исламизированное шаманство – универсальная стадия развития религии, свойственная народам и Средней Азии, и других исламских стран (Ирана, Афганистана, Палестины, Китая и др.). Все официальные оппоненты, в том числе и авторы отзыва от ведущего учреждения (Институт истории, археологии и этнографии АН СССР Казахстана) отметили многочисленные достоинства диссертации В. Н. Басилова как свидетельство «многолетнего плодотворного исследовательского опыта ученого» (Избранники духов... 2012: 368). Было подчеркнуто, что диссертация основана «на традициях среднеазиатской этнографической школы с ее глубочайшим знанием материала», «фактов, реальной жизни и идеологии» (2012: 372), а также на новых положениях и принципах, разработанных в новейших религиоведческих трудах отечественных и зарубежных ученых. Ими отмечены оригинальность и массовость собранных диссертантом фактических материалов, основательность, фундаментальность источниковедческой базы диссертации, широкое использование литературных данных, критически отобранных им, историзм (развитие шаманства во времени), глубокий теоретический анализ, новое понимание ряда дискуссионных теоретических проблем, синхронность и диахронность исследования. Была выделена также новая постановка многих проблем: рассмотрение ислама в тесной связи с доисламскими верованиями и обрядами, реконструкция шаманства древних тюрков, древних корней шаманских атрибутов, деление на «белых» и «черных» шаманов (их образ жизни и поведение), сущность травестизма, критика концепции Л. Я. Штернберга о сексуальном избранничестве, идея страдания в связи с посвящением шамана. Особенно интересно выделение двух вариантов среднеазиатско-казахстанского шаманства, выявление в нем традиций тюркского и иранского населения, новаторский характер трактовки шаманских призываний (не импровизации, а традиционные устойчивые тексты, основанные на эпосе – «песенные формулы»), истолкование танца как главного обрядового действия (пляски шаманов воспроизводят танцы духов), представление о стереотипности и многообразии шаманских духов, унаследованных с верованиями глубокой древности, использование и бубна, и музыкальных инструментов, широта и разносторонность собранных материалов о соотношении и связи шаманства и ислама («исламизированное шаманство»), шаманство и культ святых, шаманский экстаз и мусульманский зикр), их роли в историко-культурном взаимодействии. Это первый капитальный труд, в котором исследовано шаманство народов огромного региона (Избранники духов... 2012: 368–400). Критических замечаний было немного, в основном они касались списка использованной литературы либо были высказаны в плане пожеланий для будущей работы. Критике подверглась точка зрения диссертанта о следах дуального деления мира духов (там же: 380, 384–385), хотя мы знаем примеры подобного деления, например у хантов (нижний мир – на севере, верхний – на юге; при этом у них были представления и о вертикальном строевании Вселенной). Большинство выступавших (в официальной и неофициальной частях защиты) отметили огромную работоспособность диссертанта, его глубокую и широкую эрудицию, знание зарубежных языков и языков народов Средней Азии, прекрасные качества ученого и человека (знание образа жизни народа, уважение и почтительность к информаторам, преданность своему делу изучения жизни народа, любознательность, любовь к путешествиям, открытость в общении). В целом диссертация была признана выдающейся. Хочу повторить свои слова в адрес диссертанта: «Диссертация В. Н. Басилова впервые

дает весьма полное представление о формах шаманства народов обширного Среднеазиатско-казахстанского региона, в ней оно рассматривается как единое явление. Но значение данной работы выходит далеко за рамки исследования форм регионального шаманства. Оно имеет большое общетеоретическое значение для изучения шаманства вообще, его локальных вариантов, поздней стадии развития, а также трансформации шаманства под влиянием других форм религии» (Избранники духов... 2012: 391).

Чаще всего, говоря о шаманстве, исследователи ссылаются на его книгу «Избранники духов» (1984) и статью в «Этнографическом обозрении» (1997б). Безусловно, они содержат квинтэссенцию его теоретических разработок проблемы шаманства. Тем не менее, на мой взгляд, по-настоящему фундаментальное исследование им шаманства содержится в его книге «Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана» (1992а), написанной на основе докторской диссертации. Написанию этой книги предшествовали длительные исследования в поле (с 1968 г.) среди туркмен, узбеков, казахов, киргизов, их анализ и публикации в 1970–1980-х гг. (Басилов, 1970а, г; 1975а, б, в; 1976в; 1977а и др.).

Основная книга В. Н. Басилова «Шаманство народов Средней Азии и Казахстана» (1992а; в 1996 г. переведена на английский язык). Во вступлении (1992а: 3–29) он отмечает универсальность шаманства как историко-культурного явления (на самых разных данных, касающихся других народов), наличие в нем локального и стадияльного, общих и отличительных черт у разных народов, подчеркивает как архаичность явления, так и существование позднего шаманства. Он определяет шаманство как «форму религии и культа, центральной идеей которого является вера в необходимость особых посредников между человеческим коллективом и духами (божествами)» (1992а: 6).

В основе монографии лежат полевые материалы, собранные начиная с 1968 г. в основном у туркмен, узбеков, казахов, каракалпаков, киргизов. Он еще раз подчеркивает неуместность деления данного явления на шаманство и шаманизм, вкратце останавливается на терминах – названиях шамана, его функциях, категориях других служителей культа, формах государственного шаманства у тюрков, взаимоотношениях шамана с духами и божествами, дуализме в шаманстве («белые» и «черные» шаманы), восходящем к дуалистическому мировоззрению и архаической дуальной (фратриальной) организации общества, тюркских и иранских корнях среднеазиатского шаманства.

Исследуя историю изучения среднеазиатского шаманства (1992а: 30–47), начиная с XVIII в. и кончая последними работами, автор делает вывод о недостаточности фактических материалов по шаманству народов данного региона. В то же время он указывает на то, что видел свыше двух десятков шаманов, шаманок и гадалок и присутствовал на камланиях. Отдельная глава посвящена общим сведениям о шаманах: их категориям, функции, мужскому и женскому шаманству, наследственности шаманства, атрибутам (бубен, щипковый инструмент, плетень, посох, нож, зеркало и др.), одежде (при отсутствии специального костюма – выделение некоторых особенностей одежды), образу жизни шамана (нередко обычный), относительности платы за лечение (1992а: 48–105). Автор отмечает специфику шаманства у разных народов Средней Азии и Казахстана, обусловленную разными культурными традициями.

Далее рассматривается так называемая шаманская болезнь (1992а: 106–142). В. Н. Басилов считает, что она не является нервным заболеванием с точки зрения медицины, шаман – не нервнобольной; это особенность состояния шамана во время обряда камлания, когда он под влиянием самовнушения и других средств входит в состояние экстаза, это знак избрания его духами, его посвящение в шаманы. Автор подчеркивает, что в материалах сохранились следы архаических форм этого явления, пережитки представлений: 1) о смерти и воскресении посвящаемого, 2) пытках, 3) похищении избранника, 4) обучении его мастерству. Во время обряда посвящения шамана происходит похищение его души духами, ее пересотворение, обряд, напоминающий инициации и восходящий к ним. Шаманству среднеазиатских народов свойственны распространенные в других регионах представления об интимных связях шамана и духа. Отмечая разнообразие проявления «шаманской болезни» у разных народов, автор считает причиной этого разные культурные традиции.

Очень подробно рассматривается шаманская обрядность (1992а: 143–209), публикуются богатейшие фактические материалы о шаманстве. Камлание – центральная часть обряда, это путешествие шамана в иной мир – небесный или подземный в зависимости от задачи, стоящей перед шаманом: поиски души больного, похищенной злым духом, просьба о помощи духов-покровителей и др. Камлание отличается от посвящения, проходит по четкому плану и начинается с призыва духов. Но в отдельных деталях камлания у разных народов могут отличаться (набор трюков и фокусов при существующем стереотипе, возможны и импровизации-вариации). Эти вариации объясняются культурными традициями, разными этапами развития народов, влиянием ислама. Особенности шаманской обрядности автор рассматривает у каждого из народов Средней Азии и Казахстана: у казахов (1992а: 146–154), туркмен (1992а: 155–

161), киргизов (1992а: 161–165), каракалпаков (1992а: 165–167), узбеков (1992а: 167–185), таджиков (1992а: 185–188), уйгуров (1992а: 188–197). Это сделано впервые.

У казахов (по публикациям и полевым данным) он отмечает использование кобыза, ножа, сабли, плетей в обряде, призывания духов для лечения больных или поисков пропавшего, жертвоприношения духам, вхождение в состояние экстаза при помощи трюков и фокусов (хождение по углям), наличие кукол, изображающих злых духов (шайтанов). Туркменское шаманство описано автором главным образом по его полевым материалам, в том числе и неопубликованным. Шаман лечил от болезней, бесплодия. При этом он использовал жертвоприношения, подарки духам (ткань и др.). На камлании (сеанс называли «игрой») могли присутствовать только ритуально чистые люди, совершившие омовение. Присутствующий здесь ишан произносил молитву. Звучали дутар, скрипка, дудка. Лечение включало в себя борьбу духов шамана со зловредными джиннами, различные трюки шамана (протыкание себя саблей, хождение по горящим углям, исполнявшиеся в состоянии экстаза – суфийского радения зикр-зикыр, когда все присутствующие пели духовные стихи и выкрикивали формулы для Аллаха). Шаман путешествовал в иные миры, взбираясь на верх юрты. Жертвенное животное варили и ели все участники обряда, при этом нельзя было касаться костей зубами и разбивать их.

У киргизов, по данным литературы и отчасти полевым материалам, он фиксирует лечение больных шаманом и прорицания, жертвоприношения овцы духам, лечение больного ударом внутренностей жертвенного животного, деление на «черных» и «белых» шаманов («черный» шаман считался более сильным, способным на трюки с раскаленным железом и холодным оружием, мог лизать раскаленное железо, брать горящие угли в руки, отрезать больному голову и соединить ее с телом), а также пишет о переселении духов, вызывающих болезни, в остатки от жертвы, об изготовлении кукол, изображающих духов, вызывающих болезнь, использовании кобыза, плети, светильников, лепешек. Он не соглашается с предшественниками в том, что шаманство северных киргизов испытало меньшее влияние ислама, чем южных, дополняя известные данные своими материалами. Вместе с тем он отмечает отмирание некоторых обычаев у отдельных групп киргизов.

Шаманство каракалпаков слабо изучено, раздел написан по литературе. Шаман собирал деньги для духов. Камлание проходило в темноте при звуках кобыза, в течение трех – семи недель шаман излечивал больных, вступая в борьбу с вредоносными духами. Плетью он ударял больного, духов пугал шумом, стрельбой из ружья, задабривал их жертвенными животными.

Описание шаманства узбеков сделано автором на основе собственных полевым материалов, собранных в разных районах Ферганы (у оседлых), Самаркандской и других областей (у полукочевых), с привлечением литературы. Обряды разнообразны. В камлании при лечении (изгнании злых духов) используются бубен, 41 светильник, прутья, которыми бьют больного (ударяют также жертвенной курицей или внутренностями жертвы), совершаются жертвоприношения животных, птиц (при этом их кости закапывают; некоторые шаманы пили кровь жертвы), кроме того, используются раскаленные серп или нож, угли кладут в рот. Есть и оригинальные детали – завязывание узла, которым «связываются» духи, использование красной и белой ткани для духов женского и мужского пола, переселение джиннов в жертвенное животное (либо в его шкуру) или птицу, окропление больного кровью жертвы, очистительные обряды с огнем и др. При этом на помощь призывали святых и пророков. Слова призываний шаманки сочетались с восклицаниями исламского зикра. В борьбе с шаманом духи иногда «давили» его, он терял сознание, падал. Тогда для духов-помощников в огонь лили масло. Шаманы могли также гадать, находить вещи.

Шаманские обряды таджиков описаны автором по публикациям. У равнинных они близки обрядам оседлых узбеков: использование бубна, жертвоприношение, обмазывание кровью жертвы, использование в обряде лепешек, «связывание» духов, очищение огнем, лизание раскаленного железа и т. п. Таджикское шаманство изучено слабо и лишь у равнинного населения. Его обрядность близка распространенной у оседлых узбеков (терминология, жертвоприношения животных духам дэвам и святым чильтанам, обмазывание больного кровью жертвы, варка мяса жертвы, трапеза, сохранение костей, приготовление 41 лепешки для чильтанов, укрывание больного белым покрывалом, использование бубна, светильников, «связывание» духа, камлание, транс больного, изгнание злого духа, изгнание болезни). Оригинален обряд возвращения болезни тому, кто ее наслал.

Уйгурское шаманство, судя по литературным данным, сходно с описанными вариантами: обряд называли «игрой, забавой», использовали бубен или другие музыкальные инструменты, светильники, трюки, накрывали больного тканью, духам приносили жертвы, злых духов утрашали угрозами, очищались огнем и т. п., но были оригинальные моменты: сооружение туга (в переводе – знамя) – веревки, прикрепленной к потолку и к полу, изготовление кукол, изображавших духов, танцы шаманки, больного и присутствующих.

Такой подробный обзор шаманства у разных народов Средней Азии и Казахстана сделан автором впервые. На основе этих материалов автор делает важные выводы о двух вариантах среднеазиатско-казахстанского шаманства – тюркском (скотоводческом) и иранском (земледельческом), а также об общности шаманства тюркского типа у народов Сибири и Средней Азии (1992а: 201, 203–209). Он перечисляет признаки обоих вариантов. Так, в тюркском (казахи, туркмены, каракалпаки, полукочевые узбеки, северные киргизы) шаманами чаще были мужчины, использовались музыкальные инструменты, камлали ночью, угощением духам было мясо, были распространены трюки, фокусы. В иранском варианте (таджики, оседлые узбеки) чаще были шаманки-женщины, бубен использовали как основной инструмент, камлали днем, духов угощали мукой и блюдами из нее, использовали также курицу, трюки отсутствовали. По-разному проходили гадания, в них использовались различные предметы и т. д. (1992а: 188–200). В конце главы он делает ряд теоретических выводов о следах общности шаманских традиций в Средней Азии и Казахстане, с одной стороны, и в Сибири – с другой. Эти традиции очень архаичны (следы древних представлений о трехчленности мира, мировом дереве) и, возможно, связаны с тюркским миром, хотя известны и у ряда иных народов. Здесь автор осторожен в своих выводах. Рассматривая название камлания «игрой», «танцем» (казахи, туркмены, киргизы, часть узбеков), он обращается к образам «танцующих духов» в мифологии индоиранских народов, с иранскими шаманскими традициями он и связывает это явление. В целом же, заключает он, шаманство (и культ, и обряд) «состоит из элементов, сложившихся в разные исторические эпохи» (1992а: 208).

Следующая глава книги (1992а: 210–228) содержит много оригинальных сведений и выводов о личности шамана, экстазе. Шаман должен быть неординарной личностью, обладать необычными способностями (умение петь под музыку, чрево вещать, исполнять трюки, т. е. владеть своим телом, обладать ловкостью рук и регулировать работу органов чувств, гипнотизировать окружающих, предсказывать, лечить). Он должен уметь входить в экстаз. Особое место в данной главе занимает проблема происхождения и сущности экстаза. Природу шаманского ритуального экстаза он видит в запрограммированном самим шаманом измененным состоянием сознания (1992а: 220). Шаман достигает его «намеренно, усилием воли, концентрацией внимания...» (1992а: 219) – шаман часто закрывал глаза, входя в экстаз, в то же время не терял чувства самоконтроля во время вхождения в состояние экстаза. Среднеазиатским шаманам в этом помогала музыка, хотя нередко ее заменяли иные звуки, запахи, слова. В разных культурах у шаманов были неодинаковые способы достижения экстаза (1992а: 223). В состоянии экстаза под влиянием шамана входили и участники камлания.

В разделе «Шаманские духи» (1992а: 229–278) он подчеркивает, что их образы исламизированы. Это духи пари (пери), дэвы, момо (мама), демон албасты, святые-чильтаны, добрые и злые, враждебные и помощники, связанные с небесной или подземной сферами (хотя это деление нередко неоднозначно, представления о духах со временем меняются). Автор подробно останавливается на их характеристике (1992а: 236–265). Иногда их изображают в виде кукол. Духам надо приносить жертвы, это их пища. Они могут вступать с человеком в интимную связь. Духи-помощники также бывают разных категорий. В то же время представления о духах всегда стереотипны и являются достоянием не только шамана, но и в целом народа. Это очень важное замечание: присутствующие на камлании люди – не профаны, они хорошо осведомлены о том, куда отправляется шаман, что он делает и для чего.

В. Н. Басилов подчеркивает однозначность терминов «шаманство» и «шаманизм» (1992а: 230). Последний раздел книги посвящен рассмотрению шаманства народов Средней Азии и Казахстана как «элемента бытового ислама» (1992а: 279–303). При всей несовместимости шаманства и ислама («шаманство подверглось исламизации по существу» – 1992а: 279) автор показывает, как шаманство, с одной стороны, было разрушено и запрещено исламом, а с другой стороны, сам ислам впитал в себя «богатые традиции шаманства» (1992а: 282). Если духовенство запрещало шаманство, то народ сохранял древние верования о силе шаманов. Это показано на многочисленных примерах (включение культа святых, суфийского радения зикр в ритуалы шаманов и др.).

Заключение к книге (1992а: 304–312) содержит ряд важных выводов, имеющих и практическое значение для познания современных (на тот период) верований, и теоретическое – для решения проблем религиоведения в целом (выяснения исторических закономерностей развития верований, культов, всей религиозной идеологии, выявления их корней, специфики развития и наследования религиозных традиций). Ислам и следы шаманства в нем свидетельствуют о преемственности в развитии религиозных представлений и культов в Средней Азии и Казахстане. Упадок шаманства и вытеснение его исламом говорят о том, что это закономерная стадия в развитии шаманства. В то же время ясно, что шаманство – социальное явление. В деятельности шаманов лежат культурные стереотипы, хотя это не снимает вопрос о «свободе индивидуального творчества в рамках традиций» (1992а: 307). Автор ставит также вопрос

о задачах дальнейшего изучения шаманства. Одна из них – причины притягательной силы шаманства, вторая – дальнейшее скрупулезное изучение его в разных регионах, третья – необходимость «сотрудничества этнографа и медика в исследовании личности шамана» (1992а: 311–312).

В 1997 г. (за год до своей трагической кончины) В. Н. Басилов написал блестящую статью «Что такое шаманство?» (1997б). В ней содержится квинтэссенция его положений и выводов, касающихся шаманства. К ней чаще всего обращаются ученые, изучающие шаманство как древнюю форму религии. Прежде всего автор вновь обращается к попыткам разграничить термины «шаманство» и «шаманизм»: «Шаманство – русское слово, шаманизм – то же самое слово в западно-европейском звучании, вот и вся разница» (1997б: 3). Он подчеркивает, что при анализе дефиниций надо с уважением относиться к традиции – исследованиям предшественников, их опыту, подкрепленному фактическими данными и подчеркивающему главные особенности явления, возникшего на раннем этапе человеческой культуры и существовавшего в XIX–XX вв. уже в пережиточных формах. Он рассматривает шаманство как особую стадию в развитии религии, которое состоит из представлений о сверхъестественном (мировоззрение, идеология, но религиозные) и обрядов, подчеркивая, что нельзя при этом сосредотачиваться только на фигуре шамана или технике экстаза. В. Н. Басилов выделяет пять основных черт шаманства, составляющих его идеологическое содержание: 1. Одушевление, или одухотворение, окружающего мира, населенного духами (в основе шаманства лежит вера в существование души и духов). 2. Всеобщая взаимосвязь в природе. 3. Единство человека с природой. 4. Близость космоса человеку (представления о иных мирах, где живут духи и куда проникает шаман; эти представления не только свойственны шаманству, они универсальны для разных политеистических религий и могли быть как трехчастными – верхний, средний и нижний миры по вертикали, так и двухчастными – север и юг по горизонтали). 5. Близость человека к миру божеств и духов, возможность для человека – шамана – приобретать качества духа и посещать иные миры.

Шаманство – древний родовой культ. Шаман – посредник между людьми и миром духов и божеств. Его функции весьма разнообразны. Автор категорически отрицает наличие «шаманской болезни». В. Н. Басилов отмечает четыре особенности деятельности шамана: он помогает людям только через своих духов; он не обычный человек, а «избранный» и «пересотворенный» духами; его духи-помощники помогают ему посещать иные миры; с духами он вступает в связь во время камлания, достигая особого состояния транса. Главный ритуальный атрибут шамана – бубен. Шаманство (шаманизм), пишет он в заключение, считая, что это одно и то же явление, – «ранняя форма политеизма, особая стадия в развитии религиозных верований человечества, сложившаяся в период, когда основными средствами жизнеобеспечения были охота, рыболовство, собирательство» (1997б: 13). Эти идеи были изложены им и в многочисленных энциклопедических изданиях (Басилов, 1993: 221–225; 1999в: 565–570; 2004: 1083–1087).

Можно сказать, что после этой книги – столь конкретного и фундаментального труда по шаманству целой группы народов (и статьей 1997 г.), основанного на детальной сравнительно-исторической проработке собственных полевых материалов и снабженного столь глубокими и фундаментальными теоретическими выводами, – не было написано ни одной подобной работы. Что касается современных трудов по шаманству, то в них обнаруживаются два недостатка: отсутствие или недостаточное количество собственных полевых материалов и умозрительность заключений (игнорируется одна из главных задач, поставленных В. Н. Басиловым в изучении шаманства, – «дальнейшее скрупулезное изучение его в разных регионах»). Они основаны на современных проявлениях этого сложного явления – шаманства, которое весьма отличается от того шаманства, которое исследователи наблюдали еще в XX в. Собственно, это не шаманство, а неошаманизм (см. многочисленные тома «Этнологических исследований по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам», отв. ред. В. И. Харитонов). Это «иные» современные «практики», их нельзя напрямую сравнивать с классическим шаманизмом даже XX в. (хотя и сохранявшимися, например, у народов Средней Азии в пережиточной форме – Соколова, 2009: 638–640). Неслучайно современные исследователи так редко стали ссылаться на труды В. Н. Басилова, а нередко и просто ревизовать его выводы и положения. Их материалы относятся к иной эпохе, они не укладываются в систему известного нам шаманизма как древней формы религии. Поэтому возникают новые классификации шаманизма и шаманства, сомнения в том, что для шаманства характерны вхождение в экстаз, транс или измененное состояние сознания и т. п. (см. например, Харитонов, 2006; Религиозная жизнь... 2012 и др.). А жаль. К сожалению, подобные работы мало что прибавляют к нашим знаниям об этом удивительном феномене культуры, хотя и полезны, но они – о другом явлении.

В. Н. Басилов был не только прекрасным этнографом, высококвалифицированным профессионалом, он был патриотом, преданным науке. Работая ученым секретарем института, он был в курсе развития этнографической науки в институте и в целом по стране. Прекрасно зная английский язык, он много читал зарубежных работ и сам широко публиковался за рубежом (две его книги, оба автореферата диссер-

тации и несколько десятков статей были изданы на туркменском, английском и немецком языках). В его обзорах по итогам работы Института этнографии (с 1972 по 1977 г.) отражены основные направления работы сотрудников нашего института. Это самые разные темы и проблемы: историко-этнографическое изучение народов СССР (в том числе составление атласов культуры), современные культурно-бытовые и этнические (национальные) процессы, этническая традиция и ее устойчивость, полевые исследования, этносоциальная история (в том числе архаические социальные институты), этногенез и этническая история народов, история формирования культуры, древнейшая история человечества, хозяйственно-культурные типы, мифология, религия и атеизм, место этнографии среди других наук, изучение современной жизни населения Океании, проведение выставки «На шелковом пути», расшифровка рукописей майя и др. В значительной части тем он участвовал сам, откликался в печати на явления в жизни института, нередко его непосредственно не касающиеся. Он был равнодушен к судьбам нашей науки. Поэтому не удивительно, что он принял участие в дискуссии о будущем развитии этнографии, проходившей в 1991–1993 гг. (Тишков, 1992; Козлов, 1992; Басилов, 1992; Арутюнов, 1993; Кон, 1993).

Когда читаешь статью В. Н. Басилова «Этнография: есть ли у нее будущее?» (1992б; в 1995 г. он опубликовал статью на эту тему за рубежом), поражаешься той страстности, с которой автор обсуждает сложные и наболевшие проблемы. Это был период, когда традиционное и ясное название нашей науки (и института) «этнография» было заменено принятым на Западе – «этнология». В этом вопросе ученые, как это часто бывает, увлеклись дефинициями, нередко забывая о сущности предмета науки, его методах и задачах. В своей статье В. Н. Басилов сосредоточился именно на последнем. Действительно, как будто дословный перевод этих терминов почти идентичен – «описание народа» или «слово о народе». Однако это разделение позволило ряду ученых считать этнографию чисто описательной наукой (в отличие от этнологии – «обобщающей науке, изучающей закономерности жизни народов» (Басилов, 1992б: 9)), как бы наукой, стоящей ниже по рангу по отношению к этнологии. Надо отметить, что В. А. Тишков свою главную статью написал отчасти в несколько провокационной форме, очевидно, чтобы вызвать споры, отчасти в несколько преувеличенных формулировках. В. Н. Басилов как настоящий этнограф, естественно, не мог согласиться с заниженной оценкой этнографии («не может быть чисто описательной науки отдельно от науки о закономерностях»). Описание неотделимо от анализа, объяснения, обобщения (Басилов, 1992б: 9). Как уже показано на примере его собственных трудов, в своих исследованиях он исходил прежде всего из фактического материала по той или иной проблеме («этнография очень конкретная наука» (1992б: 13)). Он не мыслил теорию без базы данных. Собираение, обобщение (с учетом опыта и традиций предшественников) и анализ самих этих данных он считал (как и многие другие наши ученые) теоретическим вкладом в науку.

С сожалением приходится констатировать, что В. Н. Басилов во многом был тогда прав. Что касается изучения традиционной этнографии, то его предсказания сбылись...

В ответ на несправедливую и нередко тенденциозную критику советской этнографии в нашей печати в своей статье он не оспаривает ее большие достижения. Развал СССР позволил некоторым ученым отрицать все положительные стороны в развитии этнографии только потому, что они происходили при «тоталитарном режиме», не воздерживаясь от «поспешных, пристрастных, не подкрепленных фактами заявлений» (1998: 40). Выказывалось пренебрежительное отношение к нашему историческому прошлому, принижалось значение «нашего национального наследия» (1998: 18). Этнография как якобы только описательная наука противопоставлялась этнологии – теоретической, обобщающей. Он продолжает приводить свои аргументы против подобных высказываний, которые содержатся в упомянутой выше его более ранней статье (1992б). В основе советской этнографии лежало наследие отечественной науки, опиравшейся на личные наблюдения и факты.

В. Н. Басилов приводит пять тезисов об отличительных особенностях нашего «бесценного наследия – отечественной этнографии» (1992б: 26): «1. Территориальная широта охвата народов, подлежащих изучению... 2. Исторический подход... 3. Широта проблематики этнографического исследования – от современности до первобытности... 4. ...тесная связь с пограничными дисциплинами... (фольклор, археология, лингвистика, архивные данные). 5. ...нацеленность на теоретические обобщения, на поиск исторических закономерностей» (1992б: 26–29).

В связи с этим необходимо остановиться на еще одной важной статье В. Н. Басилова, касающейся развития нашей науки. Речь идет о статье «Традиции отечественной этнографии», напечатанной в 1998 г., в год его гибели. Это продолжение его размышлений о будущем нашей науки, какой она должна быть. Он перечисляет тематику этнографических исследований в советское время: изучение первобытности, социальной организации, этногенеза и этнической истории, культуры народов страны и мира, религии, обычаев и обрядов и многое другое, отмечая «широчайший научный кругозор» крупнейших наших

ученых советского периода. Сожалеет, что этим наследием пренебрегают, чаще опираясь на западные теории и направления. При всем уважении к западному опыту, его ценности отмечает, что он далек от идеального («Запад всегда спешил с созданием теорий» (1998: 32). В. Н. Басилов, прекрасный знаток английского языка, выступает за чистоту русского языка, который постепенно засоряется англицизмами (1998: 20–21).

К сожалению, как он и предсказывал, со временем (через 20 лет) собственно этнографические исследования, основанные на большом фактическом материале (в первую очередь полевым), исчезли из основных направлений нашей науки. Стали превалировать и больше цениться так называемые теоретические исследования, чаще всего основанные на публикациях других авторов и нередко с преобладанием умозрительных рассуждений. Ученых негласно стали делить на «эмпириков и теоретиков, собирателей и мыслителей». Это общее явление и для нашей, и для западной науки. Возможно, есть объективная причина для этого – сужение экспедиционного поля для изучения культуры народов: она все больше и быстрее утрачивает свои уникальные черты и особенности и становится все более адаптированной к современному быту («стирание этнических различий между народами» (Басилов, 1992б: 5)).

Если рассматривать развитие сибиреведения и североведения на протяжении хотя бы XX в. можно обнаружить, что ученые, изучавшие культуру народов Сибири и Севера, всегда сочетали в своих исследованиях огромный фактологический материал (собственные полевые, архивные, статистические, фольклорные, лингвистические и пр.) с обобщающими выводами, сделанными на основе их анализа, используя сравнительно-исторический метод, и имеющими в том числе и теоретическое значение. В первую очередь это касается исследований, посвященных сразу нескольким народам, в числе которых фундаментальный труд Б. О. Долгих (1960). В нем на большом массиве архивных источников впервые исследованы расселение и численность всех этнических групп Сибири, определена их социальная принадлежность в XVII в. Эта книга до сих пор является настольной для всех сибиреведов. К сожалению, для XVIII и XIX вв. мы не имеем подобных обобщающих трудов. К данному типу исследований следует отнести серию книг петербургских ученых о религиозных представлениях и культах народов Сибири (Природа и человек... 1976; Памятники... 1977; Христианство... 1979; Проблемы... 1981), в которых анализируются данные по целому ряду народов (ненцы, кеты, селькупы, нганасаны, долганы, чукчи, коряки, эскимосы, эвены, нанайцы, нивхи, алтайцы, тувинцы, буряты, западно-сибирские татары). В настоящее время эти труды стали полноценным источником для обобщений и теоретического исследования как универсальности, так и своеобразия в развитии религиозных воззрений и обрядов народов Сибири и Севера. Такое же теоретическое значение имели коллективные монографические труды и московских сибиреведов (Общественный строй... 1970; Этногенез... 1980; Семейная обрядность... 1980; Этническая история... 1982).

Очень сильно пострадало изучение традиционной культуры, оно стало второстепенным, невостребованным. Между тем давно известно, что без знания истории развития культуры невозможно хорошо и объективно изучать современные процессы, происходящие в ней, а такая задача всегда ставилась перед этнографами с 1950-х гг. (Басилов, 1992б: 4–9). Расширение междисциплинарных исследований (этносоциология, этнопсихология и др.) также оттеснило собственно этнографические исследования на задний план. Само по себе это расширение имеет положительное значение, но оно не должно было вытеснить основное направление – этнографию. Так, например, жанр монографии о культуре народа почти вышел из употребления и, возможно, скоро исчезнет. Выпускаемая институтом серия «Народы и культуры» как-то восполняет лауну в обобщающих этнографических трудах о культуре народов, но не может быть заменой индивидуальным или коллективным монографиям по каждому народу (а любой народ достоин этого), где все проблемы рассматриваются более разносторонне и детально. Вспомним, сколько таких монографий выходило в 1950–1960-х гг. (Ч. М. Таксами, Е. А. Алексенко, Г. М. Василевич, Л. В. Хомич, А. В. Смоляк, Р. Г. Ляпунова и др.). Правда, еще не сдались этнографы Сибири и Дальнего Востока (Бардина, 2011; Бауло, 2004; Перевалова, 2004; Перевалова, Карачаров, 2006; Песикова, 2000; Попова, 2008; Старцев, 2005; Сынские ханты, 2005 и др.; см. также коллективные монографии о народах Приамурья и Приморья 1987–1992 гг. – Соколова, Сирина, 2000). Характеризуя сложившуюся ситуацию, можно констатировать: тематические монографические исследования о культуре отдельных народов по-прежнему необходимы. По существу, этнограф пишет историю изучаемого народа. Это широкое поле для историко-этнографического исследования, которое включает следующие проблемы: история (этногенез и этническая история), хозяйственные занятия и связанный с ними календарь, материальная культура, социальная история, обряды жизненного цикла, религиозные представления и культы, духовная культура. Мы еще не имеем подобных исследований по большинству народов Сибири и Севера (селькупы, саамы, энцы, негидальцы, нанайцы, чуванцы и др.). Сказанное в полной мере относится и к тем народам,

монографические исследования о которых вышли в 1950–1960-х гг., так как данные работы в силу обстоятельств и иного уровня развития науки были краткими и не столь фундаментальными.

Значительно сократился объем полевых исследований, особенно в части изучения традиционной культуры, а между тем, несмотря на процессы глобализации, отмирания целого ряда обрядов, в том числе архаичных, еще можно изучать даже уходящую традицию, особенно в контексте реализации значительного числа государственных программ, направленных на возрождение национальных традиций. В числе проблем, требующих дальнейшего исследования, следует назвать изучение динамики развития и изменчивости культурной традиции, выявление потенциальных возможностей и адаптивности, гибкости национальных культур (Бауло, 2012; Перевалова, 2012), процессы отмирания традиционных элементов материальной и духовной культуры.

В. Н. Басилов сделал важный вывод, о котором нередко забывают сейчас, критикуя этнографию: «Публикуя так называемые описательные работы, советские этнографы отчетливо понимали, что создают необходимую информационную основу для будущих обобщений, которые могут иметь важное теоретическое значение» (1998: 30). Но есть немало работ, в том числе и самого В. Н. Басилова, в которых соединены и фактология, и обобщение, и анализ, и основанные на них теоретические выводы. Эта статья В. Н. Басилова остается актуальной и сегодня. К сожалению, отбросив старое, наша наука утратила много ценного (вместе с водой выплеснули и младенца).

Владимир Николаевич Басилов был настоящим ученым, этнографом-профессионалом. Его жизнь прошла в основном в советское время, поэтому его можно назвать одним из лучших представителей нашей советской этнографии, советской этнографической школы, основанной на замечательных традициях отечественной этнографии.

ЛИТЕРАТУРА О В. Н. БАСИЛОВЕ

- В. Н. Басилов // С. Д. Милибанд. Биобиблиография: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 133.
- Бушков В. И. Владимир Николаевич Басилов. Некролог // Сов. этнография. 1998. № 5.
- Жуковская Н. Л., Семашко И. М., Ярлыкапов А. А., Брусина О. И. Памяти ученого // Этнограф. обозрение. 1999. № 1. С. 174–182.
- Демидов С. Владимир Николаевич Басилов (1937–1998) // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998 гг. СПб., 1999. С. 237–240.
- Соколова З. П. Владимир Николаевич Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 1999. С. 9–19.
- Хоппал М. В. Н. Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 1999.
- Ярлыкапов А. А. В. Н. Басилов как научный руководитель // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 1999.
- Памяти Владимира Николаевича Басилова // Среднеазиатский этнографический сборник. 2001. Вып. 4. С. 246.
- О В.Н. Басилов // Г. П. Васильева. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII–XX в. М., 2003. С. 101–103.
- Брусина О. И. В. Н. Басилов: биографические сведения // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 13–15
- Наумова О. Б. Список научных трудов В. Н. Басилова // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 15–24.
- Чவர்ь Л. А. Снесарев и Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 24–30.
- Ревуненкова Е. В. Владимир Николаевич Басилов и современные исследования шаманства // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 31–41.
- Соколова З. П. Владимир Николаевич Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 42–50.
- Демидов С. М. Памяти друга // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 51–70.
- Хоппал М. В. Н. Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 70–74.
- Тер-Саркисянц А. Е. Вспоминая В. Н. Басилова // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 74–76.
- Логашова Дж. Б. В. Н. Басилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 76–79.
- Зырянов И. Ю. Избранник Высокого Духа // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 79–85.

- Хитъ Г. Л. Уйти – и остаться // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 86–90.
- Ярлыкапов А. А. Владимир Николаевич Басилов как научный руководитель // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 90–92.
- Тулъцева Л. А. Памяти друга (стихи) // «Избранники духов» – «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. М., 2012. С. 93.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С. А. Преодоление какого кризиса? // Этнограф. обозрение. 1993. № 1. С. 8–14.
- Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосвинского Приобья (XIX–XXI века). Новосибирск, 2011.
- Басилов В. Н. О пережитках тотемизма у туркмен // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. VII. Сер. этнографическая. Ашхабад, 1963. С. 135–150.
- Басилов В. Н. К вопросу о генезисе образа Коркут-ата // Докл. сов. делегации. VII МКАЭН (Москва, август, 1964). М., 1964. 9 с.
- Басилов В. Н. Пережитки доисламских верований в мусульманском культе святых (на материалах Туркмении): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1967а. 20 с.
- Басилов В. Н. Этнографическое изучение религиозных верований сельского населения // Конкретные исследования современных религиозных верований: методика, организация, результаты. М., 1967б. С. 152–174.
- Басилов В. Н. Некоторые пережитки культа предков у туркмен // Сов. этнография. 1968. № 5. С. 53–63.
- Басилов В. Н. О религиозных верованиях туркмен в прошлом и состоянии религиозности в наши дни // Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 315–333, 343–350.
- Басилов В. Н. Живая старина Хорезма // Наука и религия. 1970а. № 1. С. 83–85.
- Басилов В. Н. К вопросу о генезисе образа Коркут-ата // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1970б. Т. 10. С. 236–239.
- Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970в. 144 с.
- Басилов В. Н. Пережитки травестизма в шаманстве узбеков Ферганы // Информ. бюлл. Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. 1970. № 7. С. 164–171.
- Басилов В. Н. Пережитки древних верований в среднеазиатском фольклоре // Всесоюз. науч. сессия, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тбилиси, 1971а. С. 142.
- Басилов В. Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971б. С. 122–129.
- Басилов В. Н. Пережитки шаманства у туркмен // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в современных условиях: тезисы доклада на конф. Чебоксары, 1973а. С. 50–52.
- Басилов В. Н. Среднеазиатское шаманство // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973): доклады советской делегации. М., 1973б. 15 с.
- Басилов В. Н. Некоторые материалы о «шаманской болезни» у узбеков // Этнографические аспекты изучения народной медицины: тезисы Всесоюз. науч. конф. Л., 1975а. С. 21–22.
- Басилов В. Н., Ниязклычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдууров // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975б. С. 123–137.
- Басилов В. Н. Традиции женского шаманства у казахов // ПИИЭ. 1974. М., 1975в. С. 115–123.
- Басилов В. Н. Ыслам кераматлылар култы (Култ святых в исламе). Ашгабад: Туркменистан, 1975. 169 с. (на туркм. яз.).
- Басилов В. Н. Затворничество (чилля) в обряде шаманского посвящения у узбеков // Тезисы докладов на сессии, посвящ. итогам полевых этнографических исследований в 1974–1975 гг. Душанбе, 1976а. С. 189–191.
- Басилов В. Н. Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР: Всесоюзная тюркологическая конференция: тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976б. С. 17–20.
- Basilov V. N. Shamanism in Central Asia // The Realm of the Extra-Human. Agents and Audiences. The Hague-Paris, 1976в (Ed. by A. Bharati). P. 149–157.
- Басилов В. Н. Новые материалы о шаманском бубне узбеков // ПИИЭ. 1975 г. М., 1977а. С. 117–128.
- Басилов В. Н. Шаманизм // Каталог выставки «Кочевые народы Евразии». Токио, 1982.
- Басилов В. Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983а. С. 118–151.
- Басилов В. Н. Огнепоклонство. Шаманство. Этнос и религия. Этноконфессиональные группы // Атеистический словарь. М., 1983б. С. 348, 537, 553–554.
- Basilov V. N. Zur Erforschung der Überreste von Schamanismus in Zentralasien // Sehnsucht nach dem Ursprung. Zu Mircea Eliade. Frankfurt a/M, 1983в. S. 207–215.
- Басилов В. Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
- Басилов В. Н. Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986а. С. 94–110.

- Basilov V. N. On the Silk Road. Каталог выставки «На шелковом пути» (Разделы «Ислам», «Шаманизм», «Музыкальные инструменты»). Финляндия, 1985; Швеция, 1986б.
- Басилов В. Н. Выставка «На шелковом пути» в Швеции // Сов. этнография. 1987. № 1. С. 145–150.
- Басилов В. Н. Два варианта среднеазиатского шаманства // Сов. этнография. 1990а. № 4. С. 64–76.
- Басилов В. Н. Скифская арфа и казахский кобыз. Поиск исторических связей // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг.: тезисы докладов: в 3 ч. Алма-Ата, 1990б. Ч. 2. С. 9.
- Басилов В. Н. Исламинизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.: ИЭА АН СССР, 1991а. 46 с.
- Басилов В. Н. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // Сов. этнография. 1991б. № 4. С. 140–154.
- Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992а. 327 с.
- Басилов В. Н. Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнограф. обозрение. 1992б. № 4. С. 3–17.
- Basilov V.N. The Scythian harp and the Kazakh kobyz // Foundation of Empire. Archeology and Art of the Eurasia steppes. Los Angeles, 1992в. P. 77–100.
- Басилов В. Н. Серия статей в кн. «Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов». М., 1993. Вып. 5.
- Basilov V. N. Das Schamanentum bei den Völkern Mittelasiens und Kazachstans. (Mittelasiatische Studien. Band 1). Berlin, 1995а. 364 S.
- Basilov V. N. Ethnography. Does it have a future? // Anthropology & Archeology of Eurasia. Winter 1994–1995б. Vol. 33. № 3. P. 40–65.
- Басилов В. Н., Кармышева Д. Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: ИЭА РАН, 1997а. 161 с.
- Басилов В. Н. Что такое шаманство? // Этнограф. обозрение. 1997б. № 5. С. 3–16.
- Басилов В. Н. Традиции отечественной этнографии // Этнограф. обозрение. 1998. № 2. С. 18–45.
- Басилов В. Н. Шаманизм (шаманство) // Религии народов современной России: словарь. М.: Республика, 1999. С. 565–570.
- Басилов В. Н. Шаманство // Северная энциклопедия. М., 2004. С. 1083–1087.
- Басилов В. Н. Шаманство как элемент бытового ислама // Религиозные верования и обряды казахов. Алматы, 2007. С. 218–258.
- Бауло А. В. Заметки к дискуссии по этнографии обских угров // Уральский исторический вестник. № 4 (37). 2012. С. 114–120.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- «Избранники духов» – «Избравшие духов»: Традиционное шаманство и неошаманизм». Памяти В. Н. Басилова (1937–1998): изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2012 // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 17.
- Козлов В. И. Между этнографией, экологией и жизнью // Этнограф. обозрение. 1992. № 3. С. 3–14.
- Кон И. С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнограф. обозрение. 1993. № 1. С. 3–8.
- Общественный строй у народов Сибири. М., 1970.
- Памятники культуры народов Сибири. Л., 1977.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.
- Перевалова Е. В. Проблемы угроведения и современные тенденции развития традиционных культур // Уральский исторический вестник. № 4 (37). 2012. С. 120–126.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2004.
- Песикова А. С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск, 2006.
- Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008.
- Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
- Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л., 1981.
- Семейная обрядность народов Сибири. М., 1982.
- Сирин А. А., Соколова З. П. Семь книг о народах Сибири // Этнограф. обозрение. 2000. № 6. С. 135–138.
- Соколова З. П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 58–72.
- Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнограф. обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
- Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М., 2009. С. 537–569, 608–637.
- Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX вв.). Владивосток, 2005.
- Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнограф. обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
- Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. М., 1979.
- Этническая история народов Севера. М., 1980.
- Этногенез народов Севера. М., 1980.
- Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 1–2 (1995, 1997); 4–6 (1999, 2000, 2001); 11–12 (2005, 2007); 14–15 (2010, 2012).

Соколова З. П., доктор истор. наук.

Институт этнологии и антропологии РАН.

Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991.

E-mail: sokolova.ran@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16.12.2013.

Sokolova Z. P.

MIND TURNED TO THE PRESENT: VLADIMIR N. BASILOV AND HIS CONTRIBUTION TO NATIONAL SCIENCE

The article contains the review of V. N. Basilov's scientific activities and complete bibliography of his works. V. N. Basilov was one of outstanding Russian ethnographers. He made an enormous contribution to religious studies, especially to early forms including shamanism studies.

His works ("Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan", Moscow, 1992; "Chosen by Spirits", Moscow, 1984; "Cult of Saints in Islam", Moscow, 1970; "What is shamanism?" EO, 1997, № 5, etc.) have become classical.

He also worked in other academic subjects, as the organizer and promoter of new areas of research.

For almost all his life he was connected with the IEA. For a couple of years V. N. Basilov was a member of editorial boards of Etnologicheskoe Obozrenie (EO) and Annual Field studies of IEA, in 1971–1978 he was the Academic Secretary and since 1987 up to 1998 – the Head of the IEA Central Asia and Kazakhstan Research Center.

Besides he was one of those who had organized the exhibition "On the Silk Road, nomadic peoples of Eurasia" (1981–1982, 1985, 1986, 1987, 1989 – in Japan, Finland, Sweden and the United States of America); participated in the voyage on board of "Dmitri Mendeleev" to the Papua New Guinea and then published seven articles and essays based on collected materials.

He published over 30 articles in special editions (encyclopedias and handbooks on history, social and culture anthropology etc.) and those appeared in on a wide range of readers.

The range of scientific interests of V. N. Basilov cover traditional cultures of Central Asia and the Caucasus, nomadic culture, problems of ethnogenesis and ethnic processes, history and development of dwelling, place and prospects of social and cultural anthropology in modern society.

Based on a large body of field data and on profound knowledge of sources and literature his works still have great theoretical and methodological significance.

References on V. N. Basilov

- V. N. Basilov // S. D. Miliband. Biobibliografija v 2 t. M., 1995. T. 1. S. 133.
- Bushkov V. I. Vladimir Nikolaevich Basilov. Nekrolog // SJe. 1998. № 5.
- Zhukovskaja N. L., Semashko I. M., Jarlykapov A. A., Brusina O. I. Pamjati uchenogo // JeO. 1999. № 1. S. 174–182.
- Demidov S. Vladimir Nikolaevich Basilov (1937–1998) // Kul'turnye cenosti. Mezhdunarodnyj ezhegodnik 1997–1998 g. SPb, 1999. S. 237–240.
- Sokolova Z. P. Vladimir Nikolaevich Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 1999. S. 9–19.
- Hoppal M. V. N. Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 1999.
- Jarlykapov A. A. V. N. Basilov kak nauchnyj rukovoditel' // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 1999.
- Pamjati Vladimira Nikolaevicha Basilova // Sredneaziatskij jetnograficheskij sbornik. Vyp. 4. M., 2001. S. 246
- V. N. Basilove // G. P. Vasil'eva. Istorija jetnograficheskogo izuchenija turkmenskogo naroda v otechestvennoj nauke. Konec XVIII–HH v. M., 2003. S. 101–103.
- Brusina O. I. V. N. Basilov: biograficheskie svedenija // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 13–15
- Naumova O. B. Spisok nauchnyh trudov V. N. Basilova // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 15–24.
- Chvyr# L. A. Snesarev i Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 24–30.
- Revunenkov E. V. Vladimir Nikolaevich Basilov i sovremennye issledovanija shamanstva // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 31–41.
- Sokolova Z. P. Vladimir Nikolaevich Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 42–50.
- Demidov S. M. Pamjati druga // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 51–70.
- Hoppal M. V. N. Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 70–74.

- Ter-Sarkisjanc A. E. Vspominaja V. N. Basilova // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 74–76.
- Logashova Dzh. B. V.N. Basilov // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 76–79.
- Zyrjanov I. Ju. Izbrannik Vysokogo Duha // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 79–85.
- Hit# G. L. Ujti – i ostat'sja // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 86–90.
- Jarlykapov A. A. Vladimir Nikolaevich Basilov kak nauchnyj rukovoditel' // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 90–92.
- Tul'ceva L.A. Pamjati druga (stih) // "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. M., 2012. S. 93.

References

- Arutjunov S. A. Preodolenie kakogo krizisa? // JeO. 1993. № 1. S. 8–14.
- Bardina R. K. Ugorskoe naselenie Nizhnesos'vinskogo Priob'ja (XIX–XXI veka). Novosibirsk, 2011.
- Basilov V. N. O perezhitkah totemizma u turkmen // Tr. In-ta istorii, arheologii i jetnografii AN Turkmensoj SSR. T. VII. Serija jetnograficheskaja. Ashhabad, 1963. S. 135–150.
- Basilov V. N. K voprosu o genezise obraza Korkut-ata // Dokl. sov. delegacii. VII MKAJeN (Moskva, avgust, 1964). M., 1964. 9 s.
- Basilov V. N. Perezhitki doislamskih verovanij v musul'manskom kul'te svjatyh (na materialah Turkmenii): Avtoref. dis. ... k.i.n. M., 1967a. 20 s.
- Basilov V. N. Jetnograficheskoe izuchenie religioznyh verovanij sel'skogo naselenija // Konkretnye issledovanija sovremennyh religioznyh verovanij. (Metodika, organizacija, rezul'taty). M., 1967b. S. 152–174.
- Basilov V. N. Nekotorye perezhitki kul'ta predkov u turkmen // SJe. 1968. № 5. S. 53–63.
- Basilov V. N. O religioznyh verovanijah turkmen v proshlom i sostojanie religioznosti v nashi dni // G. P. Vasil'eva. Preobrazovanie byta i jetnicheskie processy v Severnom Turkmenistane. M., 1969. S. 315–333, 343–350.
- Basilov V. N. Zhivaja starina Horezma // Nauka i religija. 1970a. № 1. S. 83–85.
- Basilov V. N. K voprosu o genezise obraza Korkut-ata // VII Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskikh i jetnograficheskikh nauk. S. Trudy. M., 1970b. T. 10. S. 236–239.
- Basilov V. N. Kul't svjatyh v islame. M.: Mysl', 1970v. 144 s.
- Basilov V. N. Perezhitki travestizma v shamanstve uzbekov Fergany // Informacionnyj bjulleten' Instituta nauchnogo ateizma AON pri CK KPSS, 1970g. № 7. S. 164–171.
- Basilov V. N. Perezhitki drevnih verovanij v sredneaziatskom fol'klоре // Vsesojuzn. nauch. sessija, posvjashh. itogam polevyh arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovanij 1970 g. Tbilisi, 1971a. S. 142.
- Basilov V. N. Perezhitki koldovstva u ingushej // Itogi polevyh robot Instituta jetnografii v 1970 godu. M., 1971b. S. 122–129.
- Basilov V. N. Perezhitki shamanstva u turkmen // Problemy religioznogo sinkretizma i razvitie ateizma v sovremennyh uslovijah. Tezisy dokladov na konferencii. Cheboksary, 1973a. S. 50–52.
- Basilov V. N. Sredneaziatskoe shamanstvo // IX Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskikh i jetnograficheskikh nauk (Chikago, sentjabr', 1973). Doklady soverskoj delegacii. M., 1973b. 15 s.
- Basilov V. N. Nekotorye materialy o "shamanskoj bolezni" u uzbekov // Jetnograficheskije aspekty izuchenija narodnoj mediciny. Tezisy Vsesojuznoj nauchnoj konferencii. L., 1975a. S. 21–22.
- Basilov V. N. Perezhitki shamanstva u turkmen-chovdurov // Domusul'manske verovanija i obrjady v Srednej Azii. M., 1975b. S. 123–137 (v soavt. s K. Nijazklychevym).
- Basilov V. N. Tradicii zhenskogo shamanstva u kazahov // PIIJe. 1974. M., 1975v. S. 115–123.
- Basilov V. N. Yslam keramatlylar kul'ty (Kul't svjatyh v islame). Ashgabad. S. Turkmenistan, 1975g. 169 s.
- Basilov V. N. Zatvornichestvo (chillja) v obrjade shamanskogo posvjashhenija u uzbekov // Tezisy dokladov na sessii, posvjashh. itogam polevyh jetnograficheskikh issledovanij v 1974–1975 gg. Dushanbe, 1976a. S. 189–191.
- Basilov V. N. Sredneaziatskoe shamanstvo v svete jetnicheskoj istorii regiona // Jetnicheskie i istoriko-kul'turnye svjazi tjurkskikh narodov SSSR. Vsesojuznaja tjurkologicheskaja konferencija. Tezisy dokladov i soobshhenij. Alma-Ata, 1976b. S. 17–20.
- Basilov V. N. Shamanism in Central Asia // The Realm of the Extra-Human. Agents and Audiences. The Hague-Paris, 1976v. (Ed. by A. Bharati). P. 149–157.
- Basilov V. N. Novye materialy o shamanskom bubne uzbekov // PIIJe. 1975 g. M., 1977a. S. 117–128.
- Basilov V. N. Shamanizm // Katalog vystavki "Kochevyje narody Evrazii". Tokio, 1982.
- Basilov V. N. Sledy kul'ta umirajushhego i voskresajushhego bozhestva v hristianskoj i musul'manskoj agiologii // Fol'klor i istoricheskaja jetnografija. M., 1983a. S. 118–151.
- Basilov V. N. Ognepoklonstvo. Shamanstvo. Jetnos i religij. Jetnokonfessional'nye gruppy // Ateisticheskij slovar'. M., 1983b. S. 348, 537, 553–554.
- Basilov V. N. Zur Erforschung der Überreste von Schamanismus in Zentralasien // Sehnsucht nach dem Ursprung. Zu Mircea Eliade. Frankfurt

- a/M, 1983v. S. 207–215.
- Basilov V. N. Izbranniki duhov. M.: Politizdat, 1984. 208 s.
- Basilov V. N. Perezhitki shamanstva u turkmen-gjoklenov // Drevnie obrjady, verovanija i kul'ty narodov Srednej Azii. M., 1986a. S. 94–110.
- Basilov V. N. On the Silk Road. Katalog vystavki "Na shelkovom puti" (Razdely "Islam", "Shamanizm", "Muzykal'nye instrumenty"). Finljandija, 1985; Shvecija, 1986b.
- Basilov V. N. Vystavka "Na shelkovom puti" v Shvecii // SJe. 1987. № 1. S. 145–150.
- Basilov V. N. Dva varianta sredneaziatskogo shamanstva // SJe. 1990a. № 4. S. 64–76.
- Basilov V. N. Skifskaja arfa i kazahskij kobyz. Poisk istoricheskikh svjazej // Vsesojuznaja nauchnaja sesskija po itogam polevyh jetnograficheskikh i antropologicheskikh issledovanij 1988–1989 gg.. S. Tezisy dokladov v 3-h chastjah. Alma-Ata, 1990b. Ch. 2. S. 9.
- Basilov V. N. Islaminizirovanoe shamanstvo narodov Srednej Azii i Kazahstana (Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie): Avtoref. dis. ... d.i.n. M.: IJeAAN SSSR, 1991a. 46 c.
- Basilov V. N. "Skifskaja arfa". S. drevnejshij smychkovyj instrument? // SJe. 1991b. № 4. S. 140–154.
- Basilov V. N. Shamanstvo u narodov Srednej Azii i Kazahstana. M.: Nauka, 1992a. 327 s.
- Basilov V. N. Jetnografija. S. est' li u nee budushhee? // JeO. 1992b. № 4. S. 3–17.
- Basilov V. N. The Scythian harp and the Kazakh kobyz // Foundation of Empire. Archeology and Art of the Eurasia steppes. Los Angeles, 1992v. P. 77–100.
- Basilov V. N. Serija statej v kn.. S. Religioznye verovanija. Svod jetnograficheskikh ponjatij i terminov. M., 1993. Vyp. 5.
- Basilov V. N. Das Schamanentum bei den Völkern Mittelasiens und Kazachstans. (Mittelasiatische Studien. Band 1). Berlin. S. (aus den russischen Reinhold Schletzer), 1995a. 364 S.
- Basilov V. N. Ethnography. Does it have a future? // Anthropology & Archeology of Eurasia. Winter 1994–1995b. Vol. 33. № 3. P. 40–65.
- Basilov V. N. Islam u kazahov (do 1917 g.). M.: IJeA RAN, 1997a. 161 s. (v soavt. s Dzh.H. Karmyshevoj).
- Basilov V. N. Chto takoe shamanstvo? // JeO. 1997b. № 5. S. 3–16.
- Basilov V. N. Tradicii otechestvennoj jetnografii // JeO. 1998. № 2. S. 18–45.
- Basilov V. N. Shamanizm (shamanstvo) // Religii narodov sovremennoj Rossii. Slovar'. M.: Respublika, 1999. S. 565–570.
- Basilov V. N. Shamanstvo // Severnaja jenciklopedija M., 2004. S. 1083–1087.
- Basilov V. N. Shamanstvo kak jelement bytovogo islama // Religioznye verovanija i obrjady kazahov. Almaty, 2007. S. 218–258.
- Baulo A. V. Zametki k diskussii po jetnografii obskikh ugrov // Ural'skij istoricheskij vestnik. № 4 (37). 2012. S. 114–120.
- Dolgih 1960 – Dolgih B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v HVII v. M., 1960.
- "Izbranniki duhov" – "Izbravshie duhov". Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. Pamjati V. N. Basilova (1937–1998): Izd. 2-e, pererab. i dop. M., 2012 // Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. T. 17.
- Kozlov V. I. Mezhdju jetnografiej, jekologiej i zhizn'ju // JeO. 1992. № 3. S. 3–14.
- Kon I.S. Nesvoevremennye razmyshlenija na aktual'nye temy // JeO. 1993. № 1. S. 3–8.
- Obshhestvennyj stroj u narodov Sibiri. M., 1970.
- Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri. L., 1977.
- Perevalova E. V. Severnye hanty. S. Jetnicheskaja istorija. Ekaterinburg, 2004.
- Perevalova E. V. Problemy ugrovedenija i sovremennye tendencii razvitija tradicionnyh kul'tur // Ural'skij istoricheskij vestnik. № 4 (37). 2012. S. 120–126.
- Perevalova E. V., Karacharov K. G. Reka Agan i ee obitateli. Ekaterinburg, Nizhneartovsk, 2004.
- Pesikova A. S. Vzgljad iznutri kul'tury. Hanty-Mansijsk, 2006.
- Popova S. A. Mansijskie kalendarnye prazdniki i obrjady. Tomsk, 2008.
- Priroda i chelovek v religioznyh predstavlenijah narodov Sibiri i Severa (vtoraja polovina HIH – nachalo HH v.). L., 1976.
- Problemy istorii obshhestvennogo soznaniija aborigenov Sibiri (po materialam vtoroj poloviny HIH – nachala HH v.). L., 1981.
- Semejnaja obrjadnost' narodov Sibiri. M., 1982.
- Sirina A. A., Sokolova Z. P. Sem' knig o narodah Sibiri // JeO. 2000. № 6. S. 135–138.
- Sokolova Z. P. O kul'te predkov u hantov i mansi // Mirovozzrenie finno-ugorskich narodov. Novosibirsk, 1990. S. 58–72.
- Sokolova Z. P. Kul't medvedja i medvezhij prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri // JeO. 2002. № 1. S. 41–62.
- Sokolova Z. P. Hanty i mansi. S. vzgljad iz XXI veka. M., 2009. S. 537–569, 608–637.
- Starcev A. F. Kul'tura i byt udjegejcev (vtoraja polovina XIX–XX vv.). Vladivostok, 2005.
- Tishkov V. A. Sovetskaja jetnografija. S. preodolenie krizisa // JeO. 1992. № 1. S. 5–19.
- Tokarev S. A. Rannie formy religii i ih razvitie. M., 1964.
- Tokarev S. A. Religija v istorii narodov mira. M., 1965.
- Hristianstvo i lamaizm u korenного naselenija Sibiri. M., 1979.
- Jetnicheskaja istorija narodov Severa. M., 1980.

Jetnogenez narodov Severa. M., 1980.

Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. T. 1–2 (1995, 1997); 4–6 (1999, 2000, 2001); 11–12 (2005, 2007); 14–15 (2010, 2012).

Sokolova Z. P.

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.

Leningradsky pr., 32a, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: sokolova.ran@yandex.ru